«УТВЕРЖДАЮ»

Проректор по науке и инновациям
Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего
образования «Национальный исследователь-
ский Нижегородский государственный уни-
верситет им. Н.И. Лобачевского»

кандидат физико-математических наук

М.Ю. Грязнов

«10» ноября 2026 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского» на диссертацию Шпак Алёны Алексеевны «Криминологические аспекты новых средств массовой информации», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Диссертационное исследование Шпак Алёны Алексеевны посвящено чрезвычайно актуальной проблеме информационной безопасности, обусловленность которой в значительной мере связана с использованием информационно-коммуникационных технологий. Сегодня реализуется соответствующее направление политики противодействия правонарушениям, сущность которой выражена: а) в «Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий» (утверждена Постановлением Правительства РФ от 30 декабря 2024 г. № 4154-р); б) в Федеральном законе от 1 апреля 2025 г. № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; в) в «Положении о государственной информационной системе противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий» (утверждено Постановлением Правительства РФ от 27 февраля 2026 г. № 200).

В информационно-коммуникационных технологиях получило активное развитие так называемых «новых медиа», т. е. компьютерных, цифровых технологий и сетевых коммуникаций (соцсетей, мессенджеров, видеохостингов,

стриминговых платформ), в функциональности которых проявляется ее криминогенно-криминальный характер. В частности, «новые медиа» инициируют повышенную, в том числе противоправную интерактивность участников коммуникации, упрощая, в частности, совершение преступлений путем – предоставления им конкретных криминальных схем, манипулятивных приемов вербовки в преступную деятельность, подавая их в привлекательной форме; распространение фейков, провоцирующих психологическое насилие, облегчающее совершение противоправных действий и т.п.

Возникли *новые формы преступности* – высокотехнологичные, т. е. связанные с новыми технологиями, ущерб от которой бывает не сопоставимым с ущербом традиционной преступности. Причем, главной составляющей в ущербе является вовлеченная в эту противоправную сферу молодежь, несовершеннолетние.

Актуальность темы диссертационного исследования как раз и определяется проблемой новых медиа (цифровыми платформами, социальными сетями, мессенджерами, стриминговыми сервисами и проч.), которые, наряду с их позитивным назначением, оказались и источником качественно новых системных угроз правопорядку. Как обоснованно отмечает соискатель, противоправное действие в цифровой среде становится товаром, монетизируемым в реальном времени, а платформы эволюционировали в криминальные экосистемы (наиболее ярко это проявляется на примере платформы Telegram). Потребности правоохранительных органов требуют новых научных знаний о криминологической характеристике данного феномена и выработки соответствующих мер противодействия.

Необходимо отметить, что автором сформирован комплекс инновационных и аргументированных *выводов* и научно обоснованных *предложений*. Соискателем верно определены: а) *предмет исследования*, а именно криминологическая характеристика новых медиа, возникших благодаря развитию интернета и цифровых технологий; закономерности криминогенного воздействия продукции новых средств массовой информации как на массовые аудитории, так и на индивидуальных лиц, а также возможности (меры) криминолого-правового предупреждения данного воздействия; б) *цель* – выработка авторской концепции предупреждения высокотехнологичной преступности и в) целевые задачи, логически выстроенные в алгоритм целедостижения.

Научная новизна исследования в общем представлении заключается в обосновании повышенной криминогенности новых медиа, точнее их продукции в виде контента, используемого как средства получения денег. Данный процесс представлен в исследовании как прямая монетизация. Вскрыты закономерности этой монетизации, обусловленные технологическими свойствами и экономическими моделями такого рода заработками, при котором доход за контент поступает напрямую от пользователя.

Научная новизна конкретизирована и представлена в положениях, выносимых на защиту. В частности, предложено определение новых медиа как объекта криминологического изучения. Автором обосновано выделение в крими-

нологической теории массовой коммуникации новой области криминологического знания – о комплексном предмете, в котором, отражена *трехсторонняя* функциональность медиа: а) инструментальное воздействие на аудиторию, или передача, формирование смыслов; б) целенаправленное воздействие на объект, в качестве которого выступают люди, во внутреннем мире которых процесс воздействия вызывает заданные коммуникатором изменения – эмоциональные проявления, убеждения, стереотипы и др.; в) создание особого пространства, или медиасреды, где конструируется определенная реальность, заданное коммуникатором поведение, отношения к определенным ценностям и т. п.

В характеристике криминогенного воздействия новых медиа соискателем выделены его ключевые особенности: массовость как глобальный охват аудитории; латентность, или скрытость последствий информационных воздействий в виде распространения ложных сведений, непроверенных фактов, романтизация криминала.

На основе солидного эмпирического анализа соискателем изложены аргументированные выводы о социальной сети Telegram, криминогенный потенциал которой детерминирован такими свойствами, как анонимность, сквозное шифрование, массовость, минимальный уровень модерации, и реализуется через *четыре* функции: а) координационного центра (планирование преступной деятельности и управление ею), б) медиа-инкубатора (оправдание девиаций, романтизация криминала, дезинформация), в) криминального маркетплейса (торговля запрещенными товарами и услугами), г) средства совершения преступлений (инструментарий для противоправных действий).

Заслуживает внимания научно обоснованные предложения в отношении разработки комплексной стратегии предупреждения высокотехнологичных преступлений и введения новых статей УК РФ (ст. 213^1, 213^2, 207^4). Указанные положения в своей совокупности обладают несомненной научной новизной и вносят существенный вклад в развитие криминологической науки и уголовного права.

Безупречно, адресно продумана и реализована методологическая база исследования, указан комплекс методологических положений, методов и технологий их применения, с помощью которого были и получены репрезентативные результаты исследовательских действий.

Сформирована не вызывающая каких-либо сомнений база и теоретическая основа исследования. Автором проанализирован достаточный объем статистической информации, в том числе данные Росстата за 2024 г. и МВД России за 2023–2026 годы. Репрезентативность результатов обеспечена изучением 96 судебных актов, проведением социологического опроса (n = 217), а также количественным и качественным контент-анализом региональных Интернет-СМИ г. Омска и публикаций в крупнейших русскоязычных Telegram-каналах (включая 78 публикаций о резонансном преступлении). Указанный объем проанализированного позволил соискателю выявить устойчивые закономерности и разработать системные модели криминогенного воздействия но-

вых медиа. Бесспорно, комплексный подход обеспечил решение исследовательских задач, в целом – репрезентативность исследования и достоверность полученных выводов.

Значимость результатов исследования подтверждается их внедрением в практику работы военной прокуратуры Омского гарнизона, Омского гарнизонного военного суда, а также в образовательный процесс Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского и Югорского государственного университета.

Положения, выносимые на защиту, в целом представляются научно обоснованными, логически вытекающими из содержания исследования, обладают теоретической и практической значимостью, заслуживают одобрения.

Диссертация написана автором самостоятельно, содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствует о личном вкладе исследователя в науку. Личный вклад соискателя заключается в самостоятельной разработке теоретической модели криминогенности новых медиа, проведении научно-прикладного исследования и формулировании на данной основе конкретных предложений. Работа не содержит некорректных заимствований.

Основные выводы, предложения и рекомендации диссертационного исследования изложены автором в 17 публикациях, среди которых 8 научных статей – в рецензируемых изданиях, указанных в перечне Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Структура диссертации подчинена логике последовательного изложения рассматриваемых проблем, направленного на раскрытие заявленной темы. Внутреннее построение работы отражает переход от общетеоретических вопросов понимания новых медиа и криминологии СМИ к анализу конкретных криминогенных механизмов и разработке системы мер предупреждения. Диссертация состоит из введения, трех глав, объединяющих восемь параграфов, заключения, списка литературы и пяти приложений. Структура работы подчинена логике последовательного изложения проблем. Диссертация написана в юридическом ключе, безупречным научным языком.

Содержание автореферата соответствует тексту диссертации, отражает его суть и основные выводы, положения. Автореферат и диссертация оформлены в соответствии с требованиями Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, предъявляемыми к подобного рода научным работам. Автореферат и опубликованные по теме диссертации работы отражают ее основное содержание.

Во **введении** обосновывается актуальность темы, определяются цель и задачи, раскрывается степень разработанности проблемы, показывается научная новизна, формулируются основные положения, выносимые на защиту. Структура введения соответствует предъявляемым требованиям и позволяет составить целостное представление о логике и методологии проведенного исследования.

В **первой главе** диссертации с учетом общетеоретических положений автором излагаются результаты анализа эволюции средств массовой информации от традиционных каналов к диалоговым (новым медиа). Справедливо отмечается, что действующее законодательное определение СМИ, сформированное в 1991 г., не охватывает современные цифровые реалии (блоги, каналы, социальные сети, стриминговые платформы) (с. 16-17). Соискателем обосновано выделение специальной области криминологического знания – криминологии средств массовой информации, а также предложена авторская типология новых медиа по каналу распространения, типу автора и характеру интерактивности (с. 24-25). В данной части работы автор приходит к аргументированному выводу о том, что классические механизмы криминогенного воздействия (культивация искаженной картины мира, подражание, романтизация девиаций) в условиях цифровой среды претерпевают качественную трансформацию и многократно усиливаются, что требует перехода от анализа общих закономерностей к исследованию специфических механизмов новых медиа (с. 41-43).

В рамках **второй главы** диссертантом подробно исследуется феномен криминогенного воздействия новых медиа, выделяются его ключевые особенности (массовость, латентность, алгоритмичность) и виды (ценностно-нормативное, поведенческо-имитационное, информационно-манипулятивное) (с. 48-57). Диссертантом обосновывается вывод, согласно которому криминогенные механизмы (пропаганда, дезинформация, манипуляция) образуют целостную эскалационную систему, а романтизация криминала выступает комплексным механизмом, интегрирующим эти элементы для нормализации преступного поведения (с. 63-81). Особого внимания заслуживает глубокий эмпирический анализ, на основе которого доказано, что платформа Telegram представляет собой гибридную криминальную среду платформенного типа, реализующую функции координационного центра, медиаинкубатора, маркетплейса и средства совершения преступлений (с. 88-101). Автором работы также верно отмечается, что треш-стриминг и деструктивный блогинг являются не маргинальными отклонениями, а устойчивыми экономически мотивированными бизнес-моделями, в основе которых лежит прямая монетизация девиаций через донаты аудитории (с. 102-121).

Исследуя в рамках **третьей главы** комплексную систему мер предупреждения криминогенного воздействия новых медиа, автор анализирует как общесоциальные, так и специально-криминологические меры. Диссертантом обосновывается вывод о том, что ключевым направлением на общесоциальном уровне должно стать формирование «цифрового иммунитета» аудитории через интеграцию тематических блоков в курс «Основы безопасности и защиты Родины» и встречное алгоритмическое продвижение просветительского контента (с. 123-126). Анализ специально-криминологических мер позволил диссертанту сделать вывод о необходимости развития институтов саморегулирования (актуализация медиаэтического стандарта) и подрыва экономической рентабельности криминогенных практик (создание реестра стримеров-нарушителей, блокировка донатов, идентификация крупных пожертвований)

(с. 126-140). Нельзя не согласиться с тем, что уголовное законодательство, сформированное в условиях доминирования традиционных СМИ, требует совершенствования, и соискателем даже предложены конструкции новых составов преступлений (с. 152-162).

Давая в целом положительную оценку диссертационному исследованию А. А. Шпак, которое, безусловно, имеет важное теоретическое и практическое значение, а также дальнейшую научную перспективу, в то же время следует высказать ряд критических замечаний.

1. Возникли вопросы к рассмотрению проблемы «криминогенных механизмов», квинтэссенция которых представлена в § 2 «Криминогенные механизмы новых медиа» главы 2 «Криминогенность новых медиа».

Однако такого рода механизмы рассмотрены не как источники информационного (криминогенного) воздействия, а как либо их функции (культивация искаженной картины мира, оправдание и романтизация девиантного поведения, эффект подражания – с.164), либо известные в теории массовой коммуникации методы (пропаганда, дезинформация, манипуляция – с. 165). В названном параграфе рассматриваются именно методы как криминогенные механизмы. Но метод сам по себе носит нейтральный характер: он может применяться как во благо (правовая пропаганда), так и во зло (пропаганда произвола, в частности, «информационно-психологического насилия» – с. 64).

При этом соискателем почему-то проигнорирован метод *агитации*, хотя именно он как психологический метод непременно истребуется наряду с мировоззренческим методом пропаганды (разъяснение, убеждение и т. п.). Агитация обладает функциями *психологического* воздействия, а именно мотивации аудитории на определенное, в том числе преступное поведение.

Именно побуждение в прямой либо манипулятивной форме доминирует в функциональности и технологии новых медиа. Криминологическое изучение этой криминогенно значимой технологии чрезвычайно важно и прежде всего для профилактико-предупредительного противодействия высокотехнологичным преступлениям через их механизмы. Такой механизм в настоящем контенте выступает как *система* состояний и процессов, продуцирующая определенное явление, производящая синергетический эффект криминогенности; его можно представить виде *совокупности информационных воздействий эмоционально-поведенческого характера вкупе с определенными (личностными и не личностными) факторами, деструктивно влияющими на чувства и действия людей, что в итоге побуждает к негативным, особенно общественно опасным поступкам вплоть до преступлений*.

Соискателю желательно было бы обратить целенаправленно исследовательское внимание на проблему *функциональности* новых медиа. Данная проблема им косвенно рассматривается – когда (как упоминалось) механизмы подменяются функциями. Но сами по себе новые медиа, как правильно определяет Алёна Алексеевна, обладают «беспрецедентным позитивным потенциалом для правовой социализации, оперативного информирования, профилактики правонарушений», но, с другой стороны, они обладают и деструктивной функциональностью, представляя тем самым угрозу безопасности (с. 45). В

криминологическом отношении интерес представляет проблема *дисфункций* и *латентных функций*, их взаимосвязь (в частности, исходя из теории Мертона).

2. Представляется, что § 2 главы 3 «Совершенствование уголовного законодательства в целях предупреждения криминогенного воздействия новых медиа» заключает в себе не столько систематизацию научно-поисковых знаний, сколько, по сути, их реализацию – создание конкретных законодательных конструкций составов преступлений, что для диссертационного исследования не является главной составляющей. При этом проведенное конструирование вызывает ряд замечаний юридико-технического характера: а) нарушена неофициальная универсальная юридико-техническая рекомендация о краткости (девизности) заголовка, базирующаяся на универсальном юридико-техническом принципе экономии текста закона; б) неопределенность некоторых формулировок, что влечет вариативность толкования; в) встречается некорректная терминология и т. п. Однако, эти замечания носят юридико-технический и рекомендательный характер. Алёне Алексеевне важнее было бы обратить внимание не разработку научных положений для моделирования предлагаемых юридико-технических новаций.

Например, соискатель дает критическую оценку статьи 146 УК РФ (побои), которая не учитывает специфических признаков треш-стриминга (с. 146). Однако следует заметить, что, *во-первых*, треш-стриминг – явление информационно-телекоммуникационных сетей, без них оно невозможно; *во-вторых*, способ «с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть "Интернет")», хотя и предусмотрен в данной статье, однако, он полностью нивелируется как самостоятельный криминообразующий признак, ибо отнесен к общему ряду аналогичных признаков: «равно как». По сути, он не играет никакой специфической криминообразующей роли.

Целесообразно было бы исследовать свойство общественной опасности, отраженной в признаке «публичная демонстрация, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть "Интернет") как *криминообразующего*, так и *квалифицирующего* признака. И выяснить зависимость между общественной опасностью и каждым из указанных способов: а) публичная демонстрация; б) публичная демонстрация в средствах массовой информации: в) публичная демонстрация в информационно-телекоммуникационных сетях (например: п. «о» ч. 2 ст. 105; п. «д» ч. 2 ст. 110 УК РФ; п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ, особенно ч. 2 и ч. 3 ст. 260.1 УК РФ).

3. Обращается внимание на некорректность ряда суждений. Например, соискатель пишет: «*Теоретическая значимость исследования* заключается в развитии частной криминологической теории – криминологии средств массовой информации» (с.13). Правильное название теории – «криминология массовой коммуникации». Массовая коммуникация – это, во-первых, *процесс* (а не средства) передачи информации большой, географически рассредоточенной аудитории через технические каналы (СМИ, информационно-телекомму-

никационные сети, включая сеть "Интернет"), во-вторых, сама *информация* как ключевой элемент массовой коммуникации. В массовой коммуникации взаимодействие с аудиторией минимальное и оно носит буквально односторонний характер, т. е. от одного источника – к множеству.

«Новые медиа» – не просто средства массовой коммуникации, а совокупность интерактивных цифровых форм коммуникации и электронных изданий; они представляют собой как нечто выходящее за пределы этого статуса, т. е. выступают уже не как *каналы*, а как *пространства* (вроде соцсетей или блогов), в которых возникает социальное взаимодействие и отсутствуют границы между массовым и личностным. В связи с чем, следует заметить, коммуникативная функция (обмен мнениями) превращается в дисфункцию, когда такой обмен переходит в конфликт, агрессию.

Вызывает неприятие утверждение «СМИ как инструмент совершения преступлений» (с. 37). Но средства массовой информации, как известно, это предусмотренные российским законодательством зарегистрированные печатные, сетевые издания, каналы, программы, иные формы периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием) и имеют, разумеется, исключительно позитивные функции. В целях свершения преступлений используется (ввиду человеческого фактора: безграмотности, неумения, неосторожности, халатности или прямого злонамерения) продукция СМИ, т. е. тираж или часть тиража отдельного номера периодического издания, отдельный выпуск телеканала, радиоканала и т. п. Аналогично можно сказать: автомобиль как инструмент совершения ДТП. Смотря, в чьих руках он окажется.

Однако Алена Алексеевна отождествляет продукцию СМИ с самими СМИ; она пишет: «Согласно российскому законодательству к средствам массовой информации относятся предназначенные для неограниченного круга лиц печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы» (с. 16).

Разумеется, указанные замечания носят дискуссионный, доброжелательный характер и не влияют на общую положительную оценку диссертации.

Заключение.

Диссертация Шпак Алёны Алексеевны на тему «Криминологические аспекты новых средств массовой информации» является законченной научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития криминологии и совершенствования правоприменительной практики. Диссертация соответствует требованиям, предъявляемым п. 9–14 Постановления Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 «О порядке присуждения ученых степеней».

Автореферат *соответствует содержанию* диссертации, основные положения которой с достаточной полнотой изложены в 17 публикациях автора, а также в докладах и сообщениях на научных конференциях.

Шпак Алёна Алексеевна заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Отзыв на диссертацию подготовлен профессором кафедры уголовного права и процесса Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского доктором юридических наук (специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право) профессором Г.Н. Горшенковым; обсужден и одобрен на заседании кафедры уголовного права и процесса Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского 10 ноября 2026 г. (протокол № 4).

Заведующий кафедрой уголовного права и процесса
Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского,
доктор юридических наук, доцент Е.С. Леханова

ПОДПИСЬ УДОСТОВЕРЯЮ
СПЕЦИАЛИСТ ОТДЕЛА УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВ
ННГУ ИМ. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО
Т.А. СУББОТИНА

«10» июля 2026 г.

Управление кадров № 5

Сведения о ведущей организации:

Полное наименование организации: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского»
Сокращенное наименование организации: ННГУ им. Н.И. Лобачевского
Контактный телефон: +7 (831) 462-35-98, +7 (831) 462-35-99.
Адрес электронной почты: unn@unn.ru
Почтовый адрес: 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23
Адрес официального сайта в сети «Интернет»: http://www.unn.ru